

Василий Лягоскин

Рай без милого и шалаша

Седьмая история из цикла «Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин
Рай без милого и шалаша.
Седьмая история из цикла
«Ах, уж эти мужики!»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051017
ISBN 9785448517594

Аннотация

Куда теперь могут и должны попасть шесть царственных красавиц в теле Валентины Кошкиной – после девятого круга ада? Конечно, в рай – для контраста. Только окажется ли рай желанным, если в нем не будет милого – Виктора Николаевича? И что сможет предложить Создатель женщинам вместо простого земного чувства – любви?..

Рай без милого и шалаша

Седьмая история из цикла

«Ах, уж эти мужики!»

Василий Лягоскин

© Василий Лягоскин, 2017

ISBN 978-5-4485-1759-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Глубокий ужас ада, или горний рай
Две ипостаси будущей не-жизни.
О, кто сказать посмел бы: «Выбирай!»,
Задолго до креста могильного и тризны*

– Я выбираю рай! Вот этот, – Валентина остановилась посреди зала в окружении продавцов-консультантов.

Так, привычными словами, она назвала стайку мужчин и женщин, служителей бутика в самом центре Милана, в который пускали далеко не всех. Валентину Степановну, в которой за недолгие месяцы ее пребывания в объединенной Европе, а больше в удивительных путешествиях, где перед

ней, и перед ее подругами в душе склоняли головы благородные рыцари и великие государи, выскочил встречать сам хозяин элитного заведения. Нюх у коммерсанта, властителя женских мечтаний, и друга многих знаменитых кутюрье, был не хуже, чем у моравского маламута. На деньги, конечно. И на готовность людей, прежде всего представительниц прекрасного пола, с легкостью расставаться с этими деньгами. У Кошкиной такая готовность была. А тут еще в душе визжали от нетерпения и притоптывали ножками пять красавиц. Особенно рьяно приплясывала Дуньязада. Наверное, чувствовала, что именно здесь, в этом раю женских мечтаний, она сможет, наконец, смыть остатки ужаса, привнесенного из девятого круга ада. Хозяин бутика – Пьеро (или – по версии Валентины – Петруша) каким-то сверхъестественным чутьем распознал и это общее нетерпение. Потому его многочисленные «подданные», в которых изумленный Кошкин с трудом различал женоподобных юношей от готовых на все барышень, бросились исполнять торжественный ритуал охмурения самых главных на свете людей, которых они ни за что не решились бы назвать скучным словом «покупатели».

Впрочем, самого Виктора Николаевича они к таким священным особам не отнесли; мигом определили ему место в этом «раю» – в самом уголке, за столиком, на котором тут же оказались и чайничек с чаем, и бокал с коньяком на донышке, и – самым первым – его верный ноутбук. Нико-

лаич чувствовал, что в душе Валентины уже пустил корешки росток нового путешествия. Теперь, после ужасов ада, которые пережили его подруги во главе с Валентиной Степанов-ной, он совсем не страшился отпускать ее в неведомое. Тем более, что после подробного повествования супруги, он понял, что это именно ад и все его обитатели – вместе с самим Вельзевулом – вздохнули с облегчением, когда Ужас, имену-емый неделимой шестеркой подруг, истаял на ледяном дне девятого круга.

О, женщина! Прекрасней и желанней нет!

О, женщина! Страшнее в гневе тоже нет!

И, если в путь ее ведет шальной каприз

Не смеет на пути вставать и сам иблис!

О судьбе несчастного Вергилия супруги почему-то не задумались. Валентина лишь махнула рукой (еще в отеле, в Финляндии): «Не в первый раз – выберется!». А потом принялась мучить Виктора Николаевича, заставляя составлять маршрут предновогоднего турне. Новый, две тысяча семнадцатый год, Валентина с Николаичем решили встретить дома, с соседями и Героем. До него, до праздника, оставалось всего десять дней, и Кошкина задала мужу вполне уместный вопрос: «А подарки? Да и я тоже... Не могу же я на праздник выйти к гостям в этом старье!». На ней, кстати, был миленький костюмчик от известного итальянского модельера. И это предопределило первый пункт их турне.

– А потом, после Италии, – диктовала она, подняв голову к потолку, к роскошной люстре президентского номера, – конечно же, Париж! Лондон... Нет, в Лондон не хочу, в Берлин тоже – там сейчас мрачно и серо.

– Вообще-то, – Николаич оторвался от ноутбука, в котором он следовал за мыслью супруги, – сейчас там рождественские ярмарки, маскарады, фейерверки.

– Шума тоже не хочу! – капризно поджала губки Валентина, и подруги с ней согласились, – праздник будет дома. Вот там все пусть ахнут! А пока...

А пока она торжественно – так могла шествовать эллинская царица, или русская княгиня – скрылась за тяжелой шелковой портьерой, где (как догадался Кошкин) скрывался центр этого мира моды – примерочная. Он медленно выщипал согретый ладонями коньяк и милостиво кивнул подскочившему юноше с подведенными глазками и губами.

– Главное – не пролей, – Николаич одобрительно почмокал губами – вторая порция «Хеннесси» (и как только догадались, сволочи?!) была не в пример больше первой.

Основательно отхлебнув привычного «волшебного» напитка, он открыл ноутбук, предполагая, что от увлекательного путешествия в виртуальный мир его оторвут не скоро. И действительно – он погрузился в него так основательно («Хеннесси» тоже помог), что его не насторожила установившаяся в зале пронзительная тишина. И только язвительное, и чуть угрожающее покашливание супруги заставило Кош-

кина оторвать глаза от экрана, а потом вскочить в изумлении. Потому что перед ним, на фоне растерянных и почти-тельных лиц служителей моды и торговли стояла не Валентина Степановна! Нет – сейчас перед потрясенным Виктором Николаевичем предстала во всем своем величии (и соответствующем одеянии) дочь царя Илиона Кассандра. В ее облике сейчас царила грусть и ожидание катастрофы – именно так смотрела вниз, под стены обреченной Трои, эллинская предсказательница, в душе которой метался сам Николаич, знавший и о судьбе города, и о том, что произойдет с самой Кассандрой в ближайшие часы; может быть, минуты.

*Долго мгновенья тянулись в раздумьи
Броситься ль вниз, на копей островершья?
Или в пророческом клятом безумье
Ринуться в храм, где Афины защиты безбрежье?*

– Какое безбрежье?! – Виктор Николаевич едва не бросился к ней, к прорицательнице, готовый снести с пути и столик с остатками коньяка, и (о женщины, на какие жертвы не пойдешь ради вас!) с ноутбуком.

Но навстречу уже неся довольный смех Валентины; в нем чуткий слух Николаича все таки распознал печальные нотки Кассандры, которой на несколько мгновений позволено было вернуться в реальный мир. В душе Валентины Степановны, хохотнувшей внутрь себя: «Ну как, понравилось?!», – между тем на минутку установилась тишина, а потом наружу

едва не вырвался восторженный слитный крик четырех красавиц (Кассандра по-прежнему молчала в потрясении) и их крики: «И я! И я хочу!!!».

– Ну, что ж, – кивнула Кошкина, – пойдёмте.

Теперь Виктор Николаевич не отвлекался ни на коньяк, ни на виртуальный мир. Он в нетерпении ждал очередного чуда. Переполюнявшие его чувства невозможно было описать даже сотней слов; главными из них были то самое ожидание, и безмерная любовь к главному чуду на свете, имя которому было – Валюша. А ещё была крошечная нотка грусти и разочарования. В эти минуты ожидания, которые тянулись утомительно медленно, он в очередной раз остро пожалел, что для него самого чудеса закончились; что он никогда больше не попадет в очередной удивительный мир прошлого... пусть даже в женском теле.

– Или не кончились?! – вскочил он, когда из примерочной вышла царица Итаки. Пенелопа вся устремилась к нему, словно на месте хлипкого Николаича стоял могучий Одиссей, вернувшийся из дальнего похода. Вернувшийся, чтобы железной рукой навести порядок в доме и государстве, и наделить любовью верную супругу, ждавшую его двадцать долгих лет.

– Наделишь, – пообещали Николаичу глаза Валентины Степановны, – вот сегодня ночью и наделишь, а пока...

Она снова скрылась в «волшебной комнате», чтобы вернуться уже княгиней Ярославной. Теперешняя героиня на-

конец-то дождалась своего Игоря из похода. Она остановилась посреди зала, величественная и неприступная в княжеских одеждах; ближний круг и челядь за ним готовы были рухнуть на колени, и уже так исподтишка наблюдать, как их суровая правительница разрыдается в крепких объятиях супруга. Ярославна, быть может, и разрыдалась бы. Но раньше рассмеялась Валентина Степановна, довольная произведенным эффектом.

Потрясенный зрители и участники действия – служители бутика, так и не страхнувшие с лиц выражения холопской угодливости, ринулись вслед за Валентиной Степановной. Естественно, чтобы подготовить ее еще к одному акту волшебного спектакля. Впрочем, для главных «актрис», как понял Кошкин, это не было спектаклем; красавицы одна за другой действительно возвращались к жизни; дышали воздухом, пахнувшим тонким парфюмом и милыми женскому сердцу «тряпками»; улыбались ему, Николаичу. Он устремился всем сердцем к очередной красавице; согласно хронологии, установленной им же самим совсем недавно, в зал должна была выпорхнуть непоседливая арабская принцесса. Но она почему-то уступила свое место в очереди подруге, венецианке. Это «почему-то» заставило бешено забиться сердце Кошкина. А может – это неприступный вид Дездемоны, наследницы знатного венецианского рода, заставил его в восхищении замереть. Там, в средневековом Кипре, Николаич никогда не видел ее такой. Теплый климат предполагал обыч-

ные легкие одежды; на памятном пляже Дездемона (вместе с Николаичем) и вовсе обходилась без всяких одежд. Теперь же из запасников бутика достали полный венецианский наряд – тяжелый, с парчой, воздушными тканями и золотом; каким-то невероятным головным убором, из-под которого на Кошкина сверкнули такие знакомые озорные глаза. Огромная радость, что выплеснулась из них, тут же сменилась печалью Дездемоны – пришла пора уступать место на «подиуме» Дуньзаде.

*В душе умолкли трубы и литавры,
Она покорно участь принимает —
Что ей судьба черней ладоней мавра
В сей страшный миг бесстрастно обещает!*

«Бесстрастной судьбой» для Дездемоны выступила Валентина. Она друг подмигнула Николаичу, и повернулась, увлекая за собой свиту. А Кошкин теперь уже по-настоящему задрожал в предвкушении. Ожидание было недолгим. Слава этого дворца моды, отысканного Николаичем по отзывам в Интернете, не оказалась преувеличенной ни на гран. В запасниках нашлось (а может – столь же чудесным способом было почти мгновенно изготовлено) одеяние арабской танцовщицы. Кошкин не стал искать мельчайших отличий от тех украшений, что хранились дома, в Геленджике; это было несущественным. Главным был танец, в котором поплыла ему навстречу Дуньзада. Каким чудом пышное тело

Валентины сейчас предстало перед зрителем, и перед «господином и повелителем» в виде хрупкой принцессы с осиной талией и приятной округлостью животика, украшенного памятным колокольчиком, который вдруг задрожал, зазвенел, увлекая Виктора Николаевича в волшебство «Тысячи и одной ночи»? Кошкин сам не заметил, как оказался посреди демонстрационного зала, отраженный десятками зеркал. Потрясенных лиц зрителей в этих зеркалах его разум не фиксировал. Сейчас Николаич, он же могучий багдадский халиф, следил лишь за стремительной фигуркой Дуняши, что плела вязь колдовского танца вокруг него, любимого. И Николаич отдал ей инициативу; разрешил наслаждаться мгновениями истинной жизни так, как ей этого хотелось. И принцесса, впитав душой каплю бытия, одарила Кошкина последним, горячим объятием, буквально рухнув ему на грудь в последнем кружении. А еще – горячим поцелуем, от которого учитель истории едва не задохнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.